

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Парнас НВ

Сегодняшний выпуск литературной страницы полностью посвящен творчеству одного автора. Григорий Иосифович Писаревский в местных литературных кругах известен давно. Конечно, лучше его представляли как директора ряда городских предприятий, члена горкома партии, депутата городского Совета, заслужившего на этом поприще звание Почетного гражданина Новозыбкова. Однако, осведомленные читатели городской и районной газеты «Ударник» еще с середины 50-х годов знали настоящие имена автора очерков, фельетонов, небольших рассказов и стихов, время от времени появлявшихся на ее страницах за подписью Г. Васильев - псевдонимом, которым он стал подписываться еще в бытность журналисткой и руководящей работы в Забайкалье, откуда и вернулся в Новозыбков.

После ухода на пенсию в 1988 г. Григорий Иосифович полностью отдается литературному труду. На страницах местных печатных изданий появляются все новые и новые его произведения. Помимо успеха у читателей они показали обоснованность притязаний автора на творческую оригинальность, подчеркнули несомненное мастерство уже сложившегося художника слова. Не вызывало сомнений, что такой прорыв не мог возникнуть на пустом месте - просто его многогранный талант получил дальнейший стимул для развития. Всего же сейчас у него на столе повесть, несколько десятков рассказов, более сотни стихотворений. Особенно большое число публикаций пришло на два предыдущих года, что не осталось незамеченным - автор стал лауреатом общественного конкурса «Содействие» за вклад в культуру и достижения в искусстве в литературной номинации.

В стихах и прозе Григорий Писаревский, затрагивая многие стороны человеческого бытия, далек как от простой развлекательности, так и чужд ему назидательности, поднимает нравственные и этические вопросы, пытается осмысливать нашу историю и свое место в ней. Прекрасны в них описания природы, многое навеяно любовью к нашему городу, где он родился и вырос. Присущ ему и тонкий незлобивый юмор, которым пронизано немало числа его произведений. Не выглядят чужеродным включение яркого и своеобразного народного говора, - языка тех людей, с которыми ему приходилось общаться. Это знание жизни и позволяет ему создавать достоверные образы своих героев.

Публикуемые в подборке стихотворения и отрывки из еще не изданной повести выбраны из расчета представить его творчество как можно более разнообразно, тем более, что со многими из них читатели еще не знакомы. Приглашаем на встречу с нашим сегодняшним персональным автором и надеемся, что она оставит след в вашей душе.

Был в колхозе один переселенец из западных областей Ефим Буханистый. Мужик - за пятьдесят, с черножгучими глазами, обросший полуседой щетиной, жилистый и злы. В Улинке он появился через тройку лет после войны, тощим, желтым дохлядой, с сухим кашлем и неадоровым румянцем на впалых землистых щеках. Оклемался у принявшей его солдатской адвокаты, отрохал из лиственницы птицестонок, завел хозяйствство, породил четверых чернавых, диковатых пацанов. Жил он обособленно, под соколом у речушки, ни с кем не общался, к себе никого не звал. Работал Буханистый со звериной отупелостью: молча косил траву по колкам вдоль вертикальных речушек, или метал сено, беспрестанно покашливая и колючими угольками сузившихся, глубоко запавших глаз подгонял замешавшихся неторопливых напарников, избегающих, от греха подальше, связываться с Волком, как его окрестили мужики. Что привело его сюда - никто не знал, а заговаривать с ним не решались. На собрании он не ходил и вообще вылезал из своего логова лишь по нужде.

В ноябрьские праздники решили премировать в числе других и его: не гляди, что угрюм да зол, каждый бы так ворочал - горя бы не ведали. Я вызвал его, попросил быть на собрании, рассказал зачем. Буханистый энергично и торопливо, до потрескивания самосада, дотягивал цигарку, смотрел в окно, молчал. Я видел - он нервничает, что-то сипится сказать. Не поворачивая ко мне головы, из глубоких впадин затравленно и с желчной иронией окатил меня белками глаз.

- Все? - выдохнул он. Повернулся и пошел.

На собрании Буханистый стоял прилонившись к стене и, беспрестанно чадя самосадом, угрюмо и бездумно наблюдал за людьми. Когда зачитали совместное с партбюро решение правления о премировании, он, притувши цигарку, покашливая подошел поближе и в стихающем говоре тихо, прерывающемся от волнения голосом сказал:

- Нияких премиев мне не надо. Я от савецкой власти и партии получил усе сполна, аж боле некуды...

И пошел, на ходу доставая кисет.

- Нет, постой! - взорвался Мишка. Это чём же тебе наша власть и партия по-перек горла? Мы на фронте за власть нашу жизни не жалели, а ты на нее волком! Не вередуй, Ефим!

Остановившись, в нависшей тишине, на удивление спокойно, Буханистый сказал, обернувшись к президенту:

- Ты, Миш, не трожь меня. Зла на тебя не дяржу, хоть ты и парней...

И вдруг, решившись, он подошел к президенту. У него дрожали губы, бровки затравленно, с какой-то беспомощностью бегали в узких щелочках запавших глаз, лицо было бледным.

- Послушай-ка теперь, чево я скажу, он закашлялся, вытер рот тыльной стороной ладони. - Ты пройшев войну и ба-

Григорий ПИСАРЕВСКИЙ: «Я ПЫТАЮСЬ КАК-ТО ВОЗРОДИТЬ...»

ГОРОД ДРЕВНИЙ

Мой город в веках и доселе
Лежит в обрамлены лесов,
В садах, как в зелено купели,
В сияньи златых куполов.

В озера глядят пламеня.
За тающей тучкой закат.
И катится, вечное сея,
Из звонниц печальный набат.

И в трепетном мареве тает
Речушка в пустых берегах,
А в сердце грозой нарастает
Тревожно-пронзительный Бах.

РАДИ ЭТОГО СТОИТ ЧУДИТЬ

Как ни суетна жизнь на земле,
Как ни гнет повседневность,
ни давит,
Во хмелю нас являя во зле...
Ну, а бал доброта все же

правит.

«Правит добро» - сильно звучит
В столь недобре, смутное время.

Видно совесть несущим
велит
Не ронять добротуша бремя.

Кто-то их, усмехаясь, нарек
Не от мира сего чудаками;
Кто-то в злобном прищуре
порок

Вдруг увидел иными глазами.
У кого-то в стесненной груди
Закипят благодарные

слезы,

И поверь мне, дружок,
не суди,
Отойдут неприглядности
прозы.

Ради этого стоит чудить,
Доброту раздавая горстыами,
И людские начала будить,
Хоть и слыть на миру чудаками.

НАВАЖДЕНИЕ

Сон плывет в причудливых
канонах,
В знобную окутывая дрожь,
Логики лишивши и резона

Эту перевернутую ложь.

Смутные, непелевые картины:
Колыхаясь в донной глубине,
Чередою проплывают льдины,
Таящие в ватной тишине.

Боже мой! Не льдины это,-
люди,
Немо разевающие рты,
В непонятном, вяло-тихом

блуде,
В бесконечном ритме маяты.

И в холодной, мутно-серой
зыби
Я пытаюсь как-то
взороптать...

Вывернуты руки как на дыбе,
Не могу ни лечь, ни сесть,
ни встать.

Серенький рассвет от сна
избавил
(От него и враз не отойдешь),
Но не канул полностью,

оставил
Эту перевернутую ложь.

Где ж я был и что со мною
плыло?
Не приносит ясности рассвет,
Это что-то есть, иль что-то

было?

Облегченья сердцу так и нет.

И обычной радости не чуя,
Что приходит после

диких снов,
В полуодреме все еще плывуя,
Наважденью не нашедши
слов.

БЕРЕЗКА

Распростерла голы руки, небо
умоляя,

Не от праздности и скучи
Слезы в мох роняя.

Иль тоска тебя заела
И кручина гложет?
Иль любовью ты доспела
И весна тревожит.

И в томлении и муках,
Что-то ожидая,
Опустила плети-руки:
Знать судьба такая.

УГОМОНИТЕСЬ...
Шестнадцать лет -
начало взлета,

Когда влечет безумно что-то
И недосуг себя найти,
И оторваться, отойти,

Застыть на миг, остановиться
И хоть чуток угомониться,

Задуматься, прищурясь вдруг:
Ведь столь влекущего вокруг!

Ох, милые мои ребята,
Я вовсе не играю в прятки
И изреку как на духу,
Что рыльце и мое в пуху.

Сейчас-то я все это вижу
И ясно, что не для престижа
Являюсь не в мешке котом:
Таким же был, все дело в том.

Ну не совсем уж шалопаем,
Однако, мало отличаем,
И улицы мятечный дух
Еще не весь во мне потух.

Но не хваляем я этим, други:
Пройдя сквозь жизненные
выюги,
Свидетельствуя - личный
враг -
Живущий с детства в нас дурак.

Сдержал он добрые порывы
И вскрыв незрелые нарывы,
Ополонил, обеднил
И предоволен, и счастлив.

Кто ж устоял в мозолях, поте -
Наверняка еще в полете,
Уже тогда отстартовав
И лучшее другим отдав.

В себе ж негоже не увидеть
Все то, что стоит ненавидеть:
Еще не вечер, и пока
Изгнать не поздно дурака.

ИСТОРИЯ БУХАНИСТОГО

(Отрывок из повести «Я был с ними»)

Рис. К. Попова.

тады я дюже и чуть было богу душу не отдал. З той поры нияк не можу забыть ся от етей хваробы. Шла война и нас с Ипатычем забрали у тударми. Якой з мяне работн? А вот жа, выжил. Робил на Букачинских да Чернышевских шахтах, подо бу тых забоях, аттуль никто не выходил на волю. Был там один начальник, добрый такий человек, дажеть не знаю як ен туды попав, туды усе боле злынды насылают. Может эхаливсь над зыхающим бедалагой... Придет, сядить и просит сказывать о жите-быть. Ну, я усю правду-матку яму и вылажил. Однажды ен и говорить:

- Не робь, Яхвим, дяржись, што-либа придумаем. И точна, у сорак восьмым сварадили, етат начальник изделал, дай

- За че вязли-то мужика? И так поиздевались. Пошто така несправедливость? Давай, паря, пошлем от колхоза

письмо туда, в верхи... Там разберутся, - не успокаивался он.

Как-то в январский холдиный вечер приехал Соломин. Он уже бывал у нас, встречался с людьми в поле и на фермах, заезжал на стан, где Перебоев ре-

монтировал трактор. Были у них дискуссии, в которых Мишкин темперамент под убедительными, спокойными доводами первого секретаря сминался, терял напористость. Но не всегда. Мишка тоже умел преподнести, и тгда Соломин замолкал, вбирал своими глазами разгорячившего собеседника и, дослушав его до конца, густо басил:

- «Ладно, разберемся.»

Поговорили о делах. Улучив момент, я рассказал Соломину историю с Буханистым, просил вмешаться. Тот по-угрюмел, молчал. Появился Мишка.

- Трофимыч, тут у нас одного колхозника зря арестовали...

Соломин перебил Мишку, сказав, что он курсе дела.

- Ну и добре, - чуту успокоился тот. - Нашелся какой-то сукин сын, матя его в душу! Мне б его на расправу, патриота засраного, я б душонку его подложить наизнанку вывернул... Мы с такими быстро управлялись на фронте.

У Мишки дергалась губа, по щекам ходили желваки. Он опять накалился и требовал немедленных мер на выручку Буханистого.

- Трофимыч, ты заступись за бедолагу, зря его взяли... Человек семьи и здоровья лишился из-за сук этих подлючих...

Слушает Соломин, смотрит распахнутыми серыми глазами на Мишку, поглаживает седоватый ежик волос на крупной голове и молчит.

- Ты пошто молчишь, Трофимыч? Жалко веда мужика, говорю. Он с больными легкими, помрет ведь... И семью оставил в голове избе.

Мишку не останавливают ни многозначительные жестикуляции партнера Гаученова, ни подталкивание кончиком костиля в валенок сидящего рядом одногоного Кожина.

- Вот что, - говорит Соломин, встав со стула. - Я постараюсь выяснить обста-

новку. Результат сообщу председателю.

Где-то по весне Соломин вызвал меня. Он хмур, под глазами мешки, смотрит в сторону. Я знаю, что у него язва и вид его объясняет болезнью.

- Ничего не получилось с Буханистым, - глухо и тихо сказал Соломин. - Он был осужден на восемь лет за антисоветскую агитацию с конфискацией имущества. Мне удалось выяснить, что отбыл срок его направили куда-то на север и вскоре он умер.

Прошло несколько дней. Как-то вечером прибежал ко мне домой взволнованный Мишка:

- Глянь-ка, Буханистый письмо пришло с человеком... Читай вспух, я читать плохо разобрал...